

Песня
СЕРДЦА
Вандер Квин

КЕЙТ ГОРДОН

Кейт Гордон
Песня сердца Вандер Квин
Серия «Cozy book. Душевные
истории для подростков и не только»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69432898
Песня сердца Вандер Квин: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-189295-1

Аннотация

Девочка-загадка... Так можно сказать о Вандер Квин. Никто в огромной школе-интернате не замечает её, кроме единственного друга – чёрного ворона по имени Холлоу. Но однажды всё меняется. В их класс приходит новенькая. Мейбел не такая как все – прямо как Вандер. Но какие тайны хранит каждая из девочек? И не помешают ли секреты зарождающейся дружбе?

Содержание

Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Кейт Гордон

Песня сердца Вандер Квин

Kate Gordon

THE HEARTSONG OF WONDER QUINN

Copyright © Kate Gordon 2020

First published in Australia in 2020 by University
of Queensland Press

Элементы для внутреннего оформления Елизаветы Вали-
ковой

© Kate Gordon 2020

© Сергеева В.С., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Изда-
тельство «Эксмо», 2023

* * *

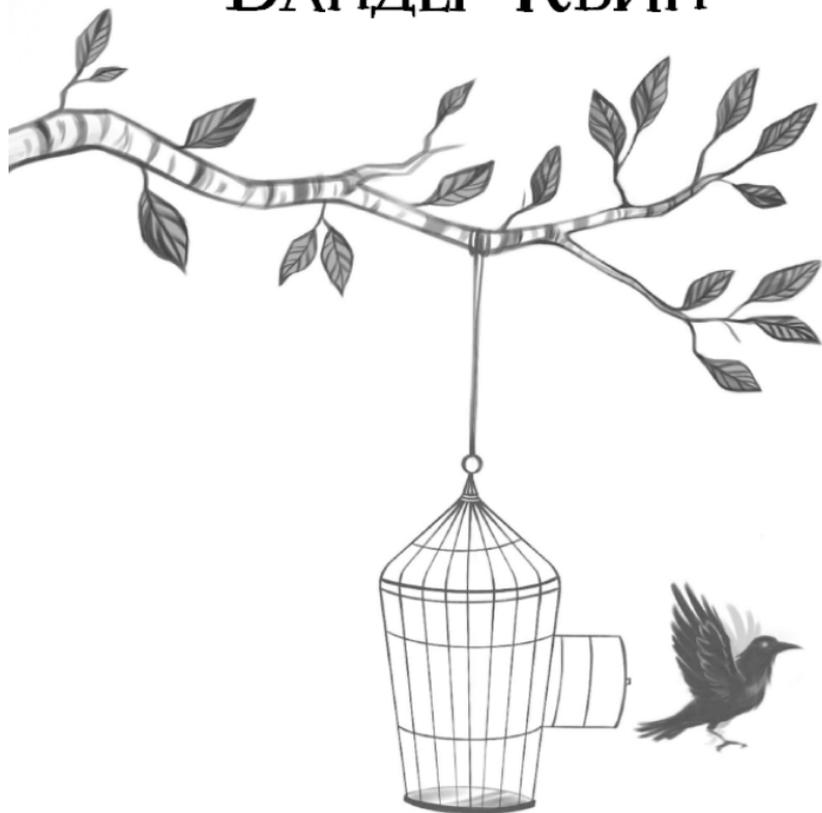

КЕЙТ ГОРДОН

ПЕСНЯ
СЕРДЦА
ВАНДЕР КВИН

Глава 1

День первый

Вандер Квин сидела на крыше Дирлиф-Холла. В животе у неё что-то вздрагивало. Мерцало. Щекотало. Как будто там порхают бабочки.

Холлоу, конечно, это заметил.

Холлоу видел всё, что касалось Вандер, даже крившееся глубоко внутри мерцание. Он покачал маленькой тёмной головой и вздохнул:

– Каждый год...

Внизу, под ними, в большие железные ворота, отделяющие школу от остального мира, толпой входили девочки. Ворота были такими же старыми и потрёпанными непогодой, как сама школа, зато девочки – новенькими, чистыми и сияющими.

Оттуда, где сидели Вандер и Холлоу, было непросто разглядеть, кто есть кто. Ученицы одевались одинаково – тёмно-синее платье длиной до икр, голубой кардиган и синие чулки с подвязками. Некоторые девочки ворчали по поводу школьной формы. Они называли её старомодной и безвкусной. Вандер так не считала. Форму она любила. Благодаря ей Вандер была такой же, как все. Она не чувствовала себя чужой в старой пыльной школе, была хоть чем-то связана с всё

ещё чужими девочками.

Она рассматривала колыхающиеся головы и сияющие лица. Это, кажется, Амелия? А вон та – Элоиза? А вон та... Вандер узнала эту голову, эти снежно-белые волосы, задранный нос, острые, как наконечники стрел, скулы.

Джорджиана Кинч.

Она подавила дрожь, чтобы Холлоу ничего не заметил, отвела глаза от светловолосой девочки и снова принялась разглядывать толпу. Элис можно узнать по розовому бантику, Джемайму – по густым чёрным кудряшкам...

Но, конечно, были и незнакомые. Ведь в первый класс пришли новенькие. Может быть – нечто в животе у Вандер затрепыхалось ещё сильнее – новенькая придёт и к ним. Девочка, приехавшая из-за моря. Девочка, которая много повидала. Много знает. Девочка с другого конца географической карты.

Вандер всегда хотелось путешествовать – по небу, по обширным неизведанным землям, по морям. Она мечтала купаться в водопадах, бегать с дикими лошадьми и есть спелое оранжевое манго.

Однако она торчала здесь, в Дирлиф-Холле, и... подруга из дальних краёв – это тоже очень хорошо.

Но, разумеется, не важно – абсолютно не важно, – откуда придет новенькая. Лишь бы Вандер ей понравилась. Лишь бы она заметила её.

Подруга.

Вот было бы здорово.

Подруга, которая увидит и полюбит её душу. Которая узнает, какое у неё доброе сердце.

На это Вандер надеялась всегда. Столько лет.

До сих пор чуда не произошло. Но в этом году...

Вандер крепче вцепилась в чёрную черепицу. В этом году что-нибудь может измениться...

Вчера ночью – как всегда накануне первого учебного дня – Вандер не спалось. Она ворочалась в своей комнатке на чердаке, за школьным архивом.

Архив возник позже остальных школьных помещений, но тоже был старым. И никто туда не ходил, потому что там стояли только самые древние шкафы, в которых хранились только самые пыльные папки и самые старые бумаги. Новые шкафы и новые папки находились внизу, в кабинете госпожи Гэллоу.

Старый архив, который Вандер называла домом, служилместилищем только для мёртвых, покрытых пылью вещей. Тем не менее это было её место, и она его любила и всегда обретала там покой и утешение. Там можно было преклонить свою усталую голову и помечтать о чём-нибудь приятном.

Но только не в последнюю ночь каникул.

Даже не в предпоследнюю. В эти ночи, напоминающие край пропасти, глаза у Вандер не смыкались. Она лежала как кукла, у которой нет век, или как восковая фигура, которая не спит и не видит снов.

Она, возможно, сама поверила бы в это – что она восковая, а не настоящая, – если бы голова у неё не была полна мыслей. Разумеется, восковые фигуры и куклы не испытывают радостного трепета при мысли о новом годе, новых девочках, новых «возможно» и «а вдруг».

Вчера ночью Вандер пыталась думать о чём-нибудь красивом, например о павлинах и о феях, танцующих в солнечных лучах как золотые мотыльки. Она пыталась читать. Даже петь. Она пела себе колыбельную, которую помнила с детства. Так её всегда убаюкивала мать.

Мой милый, милый птенчик,
Спи в своём гнезде,
Скажи «спокойной ночи»
Золотой звезде.

К сожалению, никакие «всегда» и «обычно» не помогали в канун первого учебного дня. Вандер только заскучала по матери. Но ненадолго. Потом радостный трепет вернулся снова.

Новый учебный год! Новые ученицы!

Может быть, подруга.

Вот было бы здорово.

Подруга, которая узнает её настоящую. Подруга, которая видит её *душу*. Подруга, которая заведёт часы и запустит Вандер заново.

Разве можно спать, когда буквально в двух шагах маячит

вероятность больших перемен?

И теперь, сидя на крыше, Вандер тёрла глаза и зевала. Она ощущала усталость во всём теле. Зато мозг бурлил. Она сползла чуть ниже по черепице. Совсем немного, чтобы лучше видеть.

Теперь Вандер могла разглядеть лица...

Женевьева, Эванжелина, Лили... все те девочки, которые каждый год смотрели сквозь неё, как будто она была предметом мебели. Но Вандер не питала к ним злых чувств. Просто судьба не предназначала им стать её подругами.

Однажды наступит год, наступит день, когда она найдёт идеальную подругу. Девочку, чья душа будет точным отражением её души. Девочку, которая увидит, что Вандер хорошая. Девочку, которая поймёт, что внутри она чистое золото.

Не серая невидимка.

Живая.

И когда Вандер найдёт такого человека, остальное будет уже не важно. Что она потеряла мать. Что живёт в каморке за школьным архивом, невидимая и одинокая. Что её единственный товарищ – сердитый ворон по кличке Холлоу.

Он взъерошил перья и посмотрел на Вандер чёрными, похожими на бусинки глазами, которые, казалось, проникали в самую душу.

– Снова мечтаешь, да? – спросил он. – Думаешь, что в этом году всё и случится? – Он издал звук, похожий на смешок.

– Не сглазь, Холлоу, – резко сказала Вандер. – Ты хочешь, чтобы я принадлежала только тебе.

– Зачем? Ты даже летать не умеешь. Я в тебе не нуждаюсь. Ворон не нуждается ни в ком, кроме себя. Это ты во мне нуждаешься.

– С какой бы стати? – спросила Вандер, хотя в глубине души знала, что он прав.

Холлоу не покидал её с тех пор, как она лишилась матери. Он заботился о ней. Помогал. У Вандер никогда не было более верного друга. Хоть Холлоу и утверждает, что ему никто не нужен, стоит его позвать – и он оказывается рядом. Со-всем как мать. И – совсем как мать – он учит Вандер жить. *Существовать*. Он придал ей форму и образ. Он поддерживает её в этом странном, путаном мире без матери.

Но в одном Холлоу ошибся. Он не *всё*, в чём она нуждается.

Когда с ней была мать, которая обнимала её и вела по жизни танцуя, Вандер никогда не чувствовала одиночества. А теперь в её душе постоянно что-то ноет. Там образовалась дыра, которую Холлоу не мог заполнить.

Она оперлась подбородком на ладонь и посмотрела на последних девочек, заходящих в Дирлиф-Холл. Их ноги оставили полосы на мокрой от росы траве и чёрные следы на серых каменных ступенях. Они вошли в сводчатые деревянные двери с потемневшими и скрипучими от старости петлями. Серые стены словно поглотили их. Девочки напоми-

нали стайку сине-серых рыбок, которые, резвясь и сверкая, плыли прямо в пасть кита.

Все, кроме одной.

Самой последней.

Эта последняя – отставшая – была новенькой.

Маленькая, худенькая, с ярко-рыжими волосами, она тащила огромную сумку, которая грозила её опрокинуть, и тяжело дышала, стараясь угнаться за остальными.

Девочка остановилась перевести дух.

И посмотрела вверх.

Прямо на Вандер.

Глава 2

В классе госпожи Гэллоу

Вандер Квин сидела на своём обычном месте, на задней парте в классе госпожи Гэллоу. Класс был старый, пыльный, и в нём стоял зимний холод – из старых рам дуло, и все девочки сидели в шерстяных перчатках, чтобы пальцы не неме-ли.

Уже целых сто лет, и даже больше, парты стояли одинако-выми рядами, похожими на солдатские шеренги. Они скри-пели и потрескались; на парте Вандер был даже сучок, напо-минающий барсучью голову. Барсук многозначительно на-блюдал за ней – с давних пор, потому что Вандер занима-ла эту парту каждый год, и каждый год соседний стул оста-вался пустым. Барсук смотрел на неё и на невидимку рядом и осуждал обеих.

Возможно, именно поэтому место рядом с Вандер всегда оставалось пустым – девочки боялись сурового барсука.

Каждый раз в начале учебного года Вандер видела, как но-венькие смотрели на пустой стул, а затем их лицо приобре-тало странное выражение. Они слегка вздрагивали, плотнее запахивали на себе кардиган и торопливо отходили.

Вандер старалась не расстраиваться; она убеждала себя, что однажды, в *нужное* время, это место займёт *нужная* де-

вочка.

Так и случилось.

Рыжеволосая девочка не стала хмуриться и вздрагивать. Она села рядом с Вандер, не взглянув ни на барсука, ни на свою новую соседку. Просто плюхнулась на стул, бросила сумку под парту и выдохнула:

– Как же я устала! – Она достала пенал и тетрадь, провела ладонью по неровной поверхности парты и хмыкнула. А потом хлопнула по парте и сказала:

– Кажется, ты мне подходишь. – Затем новенькая повернулась к Вандер: – Странное местечко, а? Этот смешной старый Дирлиф-Холл. Я Мейбел Клаттершем. Перевелась сюда из Вулси. Мне там не нравилось, а им не нравилась я, вот мы и разошлись.

– Я... я Вандер, – прошептала Вандер. – Вандер Квин.

Она страшно удивилась тому, что заговорила. Она не разговаривала с другими – во всяком случае, по-настоящему – уже очень давно. Девочки никогда к ней не обращались. Учителя никогда её не вызывали.

Холлоу сказал: просто они не понимают как. Никто – даже учителя – не знал, как реагировать на девочку, у которой умерла мать и которая живёт в архиве, полном скучных пыльных вещей.

Он сказал, что отчасти поэтому к ней никто не подходит. Кто может знать, как общаться с девочкой, которая всё время грустит? Кто может знать, что сказать? И, конечно, люди

бояться, что скорбь передастся и им. Как будто этим можно заразиться.

– Они думают, что станут такими же, как ты, если подойдут слишком близко, – объяснил Холлоу. А потом склонил свою маленькую голову набок и задумался. – Если, конечно, человек и так уже не подошёл близко. Тогда он не испугается.

Но все вокруг, казалось, были страшно далеко от Вандер. Никто её не навещал. Никто не смотрел на неё.

Ещё одна причина, по словам Холлоу, заключалась в том, что она «потускнела», стала невидимой...

Другие девочки радовались жизни. Они сияли. Громко смеялись, бегали, прыгали, визжали. У них были разнообразные таланты.

Вандер держалась робко, говорила шёпотом. Она сливалась с фоном. И у неё не имелось никаких особых талантов, кроме умения наблюдать.

Вандер была серенькая. Такая же, как стены и пол.

Но Мейбел Клаттершем увидела её.

– Приятно познакомиться, Вандер Квин, – сказала она с улыбкой. – Будем дружить?

Дружить.

Вандер судорожно втянула воздух.

Дружить!

Мейбел действительно это сказала?

Да.

Это слово как будто повисло перед глазами Вандер.

Дружить.

В самом деле.

Мейбел была настоящая, и Вандер была настоящая, и Мейбел произнесла это слово – слово, написанное золотом в воздухе.

Дружить.

Вот оно. Наконец.

Глава 3

Под серебристой берёзой

Вандер и Мейбел сидели в тени под серебристой берёзой.

Это было любимое дерево Холлоу. Он говорил, что веточки здесь как раз такого размера, чтобы ухватиться за них когтями. Он не лгал, конечно, но в первую очередь Холлоу нравилась серебристая берёза, потому что она была *странная*.

Это дерево, скрученное и изогнутое, походило на самого Холлоу; кора была серебристой, как лунный свет, а ветви – чёрными, как полночь. Берёза была необычная – старая, насыщенная годами и мудростью. Холлоу ощущал в ней родственную душу. Ему нравилось сидеть на ветке, обозревать двор и чувствовать себя господином всего, что он видел.

Он уже говорил об этом Вандер. Она сказала, что он король мира, и уткнулась лицом в его мягкие чёрные перья (он, разумеется, отстранился).

Но сегодня Холлоу раздражал Вандер. Он наблюдал за ней и за Мейбел с тонкой веточки, прищурив глаза и высокомерно вздёрнув клюв. Когда Мейбел говорила, он качал головой и время от времени даже усмехался. Похоже, Холлоу считал Мейбел глупенькой. Возможно, подумала Вандер, Мейбел и в самом деле чуточку глуповата. Но в хорошем смысле. Она весёлая, храбрая и яркая. Она не шумит, как другие

девочки. Не визжит. Её голос напоминает пёрышко. Мейбел рассказывала всякие смешные штуки и улыбалась Вандер, словно она представляла собой нечто замечательное.

Словно Вандер была жёлтой или розовой, а не серой.

Золотой.

Вандер подумала, что могла бы вечно слушать Мейбел Клаттершем. Холлоу ошибся; он страшно раздражал её, когда надменно смотрел сверху вниз. Вандер решила сказать ему пару ласковых вечером, когда Мейбел уйдёт домой. А пока...

Пока она пыталась не обращать на него внимания и думать только о подруге.

Мейбел принесла с собой ржаные сэндвичи с бананом и мёдом. Вандер подумала, что на вкус они, наверное, как солнечный свет.

– Угощайся, – сказала Мейбел. – Мне сегодня что-то не очень хочется есть.

Вандер покачала головой:

– Нет, спасибо.

– Ты же ничего не ела! – возразила Мейбел.

Вандер повела плечом и улыбнулась.

– Расскажи ещё что-нибудь смешное, – попросила она.

Мейбел посмотрела на дерево. Холлоу фыркнул и недовольно каркнул.

– Чем ворон похож на письменный стол? – наконец спросила Мейбел.

Вандер улыбнулась:

– Это моя любимая загадка. Однажды мне её загадала мать, и я лежала ночью и думала...

Вандер всё вспомнила и замолчала.

Уютно устроившись в тёплой постельке, она лежала с открытыми глазами, хотя давно уже было пора спать. Мать тихонько посапывала рядом, а Вандер мечтала. Она представляла ворона, который стучится в окно спальни.

Это был не злой ворон.

Он был её другом.

Утром девочка рассказала об этом маме, после чего она крепко прижала её к себе и заверила, что тут нет ничего странного. Потому что вороны вообще такие.

Вандер мотнула головой, приходя в себя. Мейбел с любопытством смотрела на неё.

– Да, это хорошая загадка, – сказала Вандер. – Я её люблю, хотя она не очень смешная. Разве загадки обязаны быть смешными?

– Вряд ли. Не всегда. Особенно если они умные, – ответила Мейбел. – Я люблю и смешное, и умное. Я вообще *всё* люблю. И не понимаю почему. *Всего* очень много.

– Но времени тоже очень много, – заметила Вандер. – Хватит на всё на свете.

Мейбел легла на спину. Солнце, пробивающееся сквозь листву, превратило её в сияющую лесную нимфу.

– Чем ворон похож на письменный стол? С помощью того

и другого можно давать ответы, хотя и плоские¹, – пробормотала Мейбел. И улыбнулась Вандер, которая восхищённо смотрела на неё.

– Откуда ты взялась? – спросила Вандер.

– Со звёзд, – смеясь, ответила Мейбел. – Я раньше жила в городе, но родители решили, что свежий деревенский воздух пойдёт мне на пользу. – Щурясь от солнца, она посмотрела на Вандер. – Воздух меня особо не волнует, – продолжила она. – Главное – то, что здесь можно *делать*.

– Что делать?

– Всё, – выдохнула Мейбел. – Родители мне ничего не разрешают. Нельзя есть креветки. Нельзя купаться в море. Нельзя гулять ночью. Хотя в городе всё равно нет моря, и ночи тоже толком нет, потому что до утра горят фонари и рекламные щиты. В городе нельзя делать то, что имеет хоть какой-то смысл. Там нельзя быть свободной.

– Почему? – зачарованно спросила Вандер.

Она никогда не была в большом городе. Хотя слышала, что здания там даже выше, чем Дирлиф-Холл, и есть огромные отели, перед которыми стоят специальные люди в цилиндрах и перчатках, а внутри допоздна танцуют женщины в сверкающих платьях. В городе можно купить любую еду, какую захочешь и когда захочешь. И на каждом углу есть

¹ Знаменитая «бессмысленная» загадка из сказки Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес». Ответ, который даёт Мейбел, принадлежит самому Льюису Кэрроллу, которого часто спрашивали, как же всё-таки ответить на этот загадочный вопрос. (*Здесь и далее прим. пер.*)

книжные магазины и библиотеки, в которых хранится двадцать тысяч книг.

– Много мафии, – ответила Мейбел беспечно, а Вандер постеснялась спросить, что такое мафия.

Некоторое время стояла тишина, не считая далёких криков других девочек, беготни ящериц в траве и фырканья Холлоу.

Хе-хе.

Кар.

«Замолчи», – громко подумала Вандер, надеясь, что он услышит её мысли – ведь ему часто это удавалось.

– А ты где живёшь? – наконец спросила Мейбел.

Вандер знала, что этот вопрос прозвучит. Она знала, что рано или поздно придётся сказать Мейбел правду. Но в душе у Вандер что-то сжалось и съёжилось.

А вдруг Мейбел, узнав про всё, что у неё не так и чего ей недостаёт, решит, как другие девочки, что не понимает Вандер? Что больше она не может с ней разговаривать? Что они не могут *дружить*?

Это будет... трагедия.

Но Вандер не умела врать. Она никогда этому не училась. Поэтому, уставившись на свои бледные пальцы, она храбро сказала правду.

– У меня нет дома, – ответила Вандер. – Но есть комната. – Она взглянула на Мейбел. – Хочешь посмотреть?

Глава 4

Комната Вандер

Вандер и Мейбел сидели на колючем шерстяном одеяле в каморке за архивом.

Вандер теребила нитку и ждала, когда Мейбел заговорит. В животе у неё стягивался узел. За окном, на ветке серебристой берёзы Холлоу терзал пурпурного червя. Время от времени он заглядывал в комнату, но когда Вандер смотрела на него, ворон отворачивался.

До неё доносилось его ворчание:

– Ей не понравится. Здесь темно и скучно. Она убежит. Помяни мои слова. Она убежит и не вернётся. Может, это и к лучшему.

– Здесь... прекрасно, – сказала Мейбел.

Вандер выпустила нитку и взглянула на Мейбел открыв рот.

– Правда? – шёпотом спросила она. – Тебе нравится?

– Я в восторге! – ответила Мейбел и захихикала. – Это же твой собственный маленький мир!

Вандер обвела взглядом комнату, пытаясь увидеть её глазами Мейбел. Ряды книг в пыльных кожаных переплётках как будто обрели особое волшебное обаяние. Маленькая свечка, воткнутая в старую бутылку – Вандер зажигала её,

когда ночи становились слишком тёмными, – казалась гораздо романтичнее и интереснее.

У героинь в книжках были свечи, так ведь? Они читали при них по ночам, как Вандер. Она давно мечтала о фонаре, но сейчас... сейчас свечка выглядела просто замечательно – если смотреть на неё глазами Мейбел.

Даже паутина казалась серебристее и как будто сияла. И грубое шерстяное одеяло...

Вандер цеплялась за это одеяло столько лет, хотя, в общем, не нуждалась в нём. Но ей казалось, что от него пахнет матерью. Возможно, уже не пахло; скорее всего, все напоминания о матери – частички кожи, выпавшие волосы – давным-давно исчезли, превратились в пыль.

Но Вандер представляла, что в одеяле по-прежнему что-то заключено. Что её мать – часть одеяла, а одеяло – часть матери. Его ветхость не имела никакого значения, пока Мейбел не села на него – и тогда показалось, что одеяла хуже нет на свете.

Но теперь...

Теперь оно казалось самым роскошным из всех одеял. Мягкое, уютное, богатое. Это одеяло могло принадлежать какой-нибудь французской виконтессе.

– Здесь неплохо, – Вандер пожала плечами и покраснела, пытаясь скрыть гордость. – Хотя иногда одиноко.

Мейбел покачала головой:

– Это не одиночество. Это *свобода*. Дома мама и папа веч-

но кружат надо мной как мухи. Когда закончатся уроки, они придут, будут трясти решётку и звать меня. Вот почему сегодня утром я задержалась. Они хотели меня проводить. Донести сумку. Познакомиться с учительницей. Проследить, чтобы я села за нужную парту... – Мейбел вздохнула и закатила глаза. А потом заметила что-то в лице Вандер – болезненную гримасу или проблеск грусти. – А ты как живёшь? – негромко спросила она. – Кто твои мама и папа? Где они?

– Мать, – поправила Вандер. – У меня всегда была только мать. Моя... – она припомнила слово, которое произнесла Мейбел, – ...моя мама. И она давно меня покинула.

– О... – Мейбел склонила голову. – Ты, наверное, по ней тоскуешь. Ну конечно. Но в чём-то тебе повезло. Ты можешь делать что хочешь.

Вандер улыбнулась:

– Да.

– Ты много плакала, когда её не стало? – тихо спросила Мейбел.

Вандер помедлила. Стыд, казалось, уже не вмещался внутри. Но она знала, что не сумеет солгать.

– Я не плакала, – призналась она.

– Я тоже редко плачу, – кивнув, сказала Мейбел. – Хотя некоторым это не нравится.

Мейбел кашлянула и как будто чуть-чуть побледнела, но без свечи в комнате стоял полумрак, так что, возможно, Вандер просто показалось. Это она была бледная, а не Мей-

бел. Мейбел была соткана из солнечного света.

А затем, прямо над потолком, нетерпеливо зазвонил старый школьный колокол. Начинались уроки.

Мейбел встала и протянула руку Вандер.

– Тебя поднять? – спросила она.

Вандер помедлила. Она подумала, что взять Мейбел за руку было бы очень приятно. Рука у неё, наверное, тёплая. Но она покачала головой.

– Не надо, – сказала Вандер. – Я привыкла справляться сама.

Мейбел улыбнулась:

– Один – ноль.

В душе Вандер вспыхнуло такое яркое сияние, что оно, казалось, непременно должно было вырваться наружу.

Тем не менее она поднялась сама.

– Она всё поймёт, – каркнул Холлоу. – В конце концов она тебя бросит. Это лишь вопрос времени.

– Хватит, Холлоу, – прошипела Вандер.

Он ошибается.

Мейбел не бросит её. Никогда.

Разве такое идеальное существо может исчезнуть?

Глава 5

Джорджиана Кинч

Вандер и Мейбел сидели рядом за партой в классе госпожи Гэллоу. Госпожа Гэллоу стояла у доски и писала. Её пальцы были белыми от мела и оставляли отпечатки вокруг букв, напоминающих маленьких жучков.

Вандер больше всего любила эту часть урока. Ей нравилось наблюдать, как слова появляются на доске – абсолютно белые на абсолютно чёрном фоне. Они походили на распускающиеся цветы.

Сегодня госпожа Гэллоу выписывала фразу из книжки, которую Вандер любила.

Конечно, Вандер любила читать. Книги разговаривали с ней, когда все остальные молчали. Так было всегда. Когда мать торопилась на урок, она оставляла крошку-дочку в обществе стопки книг. Их персонажи стали первыми друзьями Вандер. А когда мать возвращалась после уроков, Вандер взволнованно рассказывала ей о приключениях, которые пережила со своими друзьями. Мать говорила: «Какое счастье, что здесь есть такие умелые няньки, которым я могу доверить мою дорогую дочку».

Когда матери не стало, книги сделались самыми верными спутниками, не считая Холлоу. Библиотека была её лю-

бимым местом – в дождливые дни она сидела там во время большой перемены. В хорошую погоду она, разумеется, проводила время на улице, с Холлоу, но когда шёл дождь, она забивалась в дальний угол и читала, пока не начинал звонить колокол. После уроков она возвращалась и сидела в библиотеке до темноты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.